

ПОСМЕРТНЫЙ РАССКАЗ
Б. САВИНОВА
в этом номере.

ВОДЯНЫЕ ЛЫЖИ

Этот новый и мало известный в СССР спорт имеет большое будущее. При сравнительно малой стоимости, при которой можно изготовить лыжи, они должны иметь большое распространение.

Испытания, произведенные с водяными лыжами конструкции А. Г. Скрипиченко на Москва-реке, дали блестящие результаты.

ЧАСЫ

С ГАРАНТИЕЙ
ЗА ХОД и ПРОЧНОСТЬ

- № 600 Анкер. плоск. черн. 8 р. — к.
№ 601 Анкер. откр. хрон. 8 р. 25 к.
№ 602 Анкер. высш. сорт.
Мозер откр. 11 р. 50 к.
№ 603 Анкер. карм. ник.
и черн. луч. фирм 15 р. — к.
№ 604 Анкер. карман.
П. Буре, Омега и др. 25 р. — к.
№ 605 Секундометры для
хронометража. 50 и 85 р.
№ 606 Серебр. 84-й пр.
закр. лучш. фирм. 20 и 25 р.
№ 607 Накл. золот. закр.
на 18 рубинах. 15 р. — к.
№ 608 Наручн. дам. и муж.
черн. 10 р. — к.
№ 609 Наруч. анкер. ник.
и черн. 18 р. — к.
№ 610 Такие же Сима и
Таван Ватч. 20 р. — к.
№ 611 Наруч. анкер.
П. Буре, Мозер, Оме-
га и друг. 25 и 30 р.
Высылают по почте
наложенным платежом

ДЕПО ЧАСОВ Э. Ш. ЭРПЕРТ
Москва Петровский бульв. 27

При коллективных заказах зна-
чительная скидка

К СОБЫТИЯМ В КИТАЕ

В ГОСУДАРСТВЕННОМ ВОЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Москва, Красная площадь, 2-й дом Ревкомсовета, 1-й подъезд, тел. 6-93-83

Литература о Китае и Японии:

- А. Жабин — «БОРЬБА В КИТАЕ». С 8 рис., портрет. Сун-Ят-Сен'а и
прилож. карты Китая. 30 стр. Ц. 20 коп.
И. Мамеев и В. Колоколов — «КИТАЙ». Страна, население, история.
Под редакц. А. И. Иорданского. С 22 рис. в тексте, одной
картой и схемой в прилож. 270 стр., 2-е издание. Ц. 1 р. 60 к.
А. Иорданский — «КИТАЙ В ПРОШЛОМ и НАСТОЯЩЕМ». Популя-
рный политико-экономический очерк. С 13 рис. в тексте и прил.
карты Китая. 72 стр. Ц. 55 коп.
Б. Доливо-Добровольский — «ТИХООКЕАНСКАЯ ПРОБЛЕМА». Со-
вместительной статьей М. Павловича: «Борьба за Тихий
Океан». С прилож. одной карты всех частей света. 234 стр.
Цена 1 руб. 50 коп.
Д. Позднеев — «ЯПОНИЯ». Страна, население, история, политика.
Под ред. А. Иорданского, с 25 фотограф. в тексте и 2 кар-
тами в приложении. 351 стр. Ц. 2 р. 75 коп.
М. Павлович — «ПЕРЕД УГРОЗОЮ БУДУЩИХ ВОЙН», 2-е перераб. и
дополн. изд. 164 стр. Ц. 55 коп.

Книги высылаются наложенным платежом

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ВРАЧЕЙ-СПЕЦИАЛИСТОВ.

Мясницкие ворота, 18, трамваи: А, В, 4, 34, 1, 21, 22, 6. Телефон 1-89-93.
(один восемьдесят девять девятно три).

Внутренние . . . 8 ч. утра до 9 ч. веч.	Женская гинекология . . . с 8—12; 6—9 ч.
Детские . . . 8 » » 9 » »	Желудочные и внутренн.
Нервные и душевные . . . 9 » » 9 » »	секреции . . . с 9—2; 3—9 »
Венерич. и сиф. . . с 8 ч. ут. до 9 ч. в.	Глазные и подбор очков . . . с 9—2; 4—8 »
Мочеполоотдел. . . с 8 » » 9 » »	Хирургические . . . с 9—9 »
Кожные . . . с 9 » » 9 » »	Уха, горла и носа . . . с 8—9 »
Жен. и акуш. . . с 8 » » 9 » »	Туберкулез легк. . . с 9—3; 4—9 »
Лечение гипнозом . . . 3—6 »	Урология (бол. поч., пузыр., моч. путей.
Цистоскопия, катетризм, мочеточн., функцион. испыт. поч. и физиография) 1—8 ч.	

Зубоврачебный отд.: лечение, пломбирование, удаление зубов, искусственные
зубы и все виды технических работ, с 8 ут. до 9 ч. в. Хирургия полости рта.
Рентгеновский и электролечебн. кабин.: снимки, просвечивания, лечен. бо-
лезней кожи (стриг. лишай), опухолей женской половой сферы и др. с 11 утра
до 8 ч. вечера, лечение электрич. светом и пр. с 12—9 ч.

АНАЛИЗЫ: крови (реакция Вассермана, Закс Георга и проч.), мочи,
мокроты, кала, желудочного сока и др.

П Р И Е М

и консультация профессоров по всем специальностям ежедневно.

по воскрес. и праздн. дням прием больных по всем болезням с 8—4 ч.
Вызов врачей на дом по всем специальностям.

БИБЛИОТЕКА

БУХГАЛТЕРА и СЧЕТОВОДА

в 12 книгах

СОДЕРЖАНИЕ БИБЛИОТЕКИ:

общее счетоводство, торговое сче-
товодство, промышленное сче-
товодство, сч-ство акц. 0-в и
пасевых т-в, банковское сче-
товодство, счетоводство кредитных
т-в, кооперативное счетоводство,
сельскохозяйств. счетоводство,
балансирование, картонная си-
стема в сч-стве, коммерческие
вычисления

Библиотека издается при уча-
стии проф.: А. М. Галагана,
Н. С. Лунского, Н. Г. Филимо-
нова, Н. А. Кипарисова и др.

ЦЕНА ВСЕХ 12 КНИГ по
подписке 15 р. с пересылкой.
ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:
при подписке пять руб., а при
получении 4-й, 6-й, 8-й и 10-й
книг уплачивается по 2 руб. 50 к.
посредством нал. платежа.

Б-ка выходит с мая с. г. по 2
книги еженеж. Проспекты высы-
лаются бесплатно.

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ
Над-ству, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КНИЖКА — Москва, Страстной
бульвар, 10.

Вы можете изучить

легко и быстро у себя дома, как в городе, так и в деревне —
езде, где имеется почта — бухгалтерию — коммерческие вы-
числения — торговую корреспонденцию — делопроизводство —
стенографию — и другие специальные прикладные коммер-
ческие науки — Наш метод гарантирует успех — Наши
заочные курсы «ПОЛИГЛОТ» особенно ценны лицам, живущим
вдали от крупных центров и не имеющим возможности посе-
щать специальные курсы — Благодаря нашей ЗАОЧНОЙ
системе, школа приходит к Вам на дом — Занятия произ-
водятся посредством переписки по почте

Подробные конспекты, программы и условия высылаются
за 10-коп. марку

Письма адресуйте: Заочно-практической Школе Курсов
„ПОЛИГЛОТ“ — РОСТОВ-на-ДОНУ Николаевский пер. 44

КРЕМ

ЛУЧШЕЕ
ИСПЫТАННОЕ
СРЕДСТВО
ПРОТИВ

ВЕСНУШЕК.
КРАСНОТЫ.
ЖЕЛТЫХ ПЯТЕН.
ЗАГАРА.
УГРЕЙ И ДР.
НЕДОСТАТКОВ
КОЖИ ЛИЦА.

КАЗИМИ

СЕРВИС
В СУМАСШЕДШЕМ
ДОМЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО А. Д. ДЕМНИНА

Требуйте
во всех книжных
магазинах

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ ПАСТУ

ДЛЯ ОБУ-
ВИ ВСЕХ
ЦВЕТОВ
„СЕРВУС“

Сохраняет
обувь и
придает
зеркальный
блеск

Фабричный склад:

Москва Б. Сухаревский ц. 7

ЧЕРЧЕНИЕ СПРАВОЧНИКИ и ПОСОБИЯ

Покровка 50 $\equiv$ I „Теория и техника черчения“
4 изд. 269 рис. Ц. 2 р. 50 к. II „Образцы шрифтов
и рамок для черчения“ Ц. 1 р. 50 к. III „Условные
знаки и обозначения на чертежах красными и штрихами“
1 часть: строит., землемерн., топографич. Цена
2 р. 50 к. 2 часть: путей сообщен., мелноразв. и
по разработке торфа, руды, электрич., уст-
ноб., строит. и др. Ц. 1 р. 75 к. IV Нравств. спо-
собы их черчения, насательных и норматив. Осо-
бы точны. ♦ Продаются во всех книжн. магаз. СССР
Выписыв. от автора прибав. 50 к. на перес. Можно при-
сладать почт. марками Книжн. магаз. обычная скидка

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВСЕМ
всемирно-известная
американская косметика

ИММА
КРЕМ - МЫЛО - ПУДРА

против веснушек и для белизны
и нежности кожи

Продана в аптеках, магазинах оп-
тимально гигиены и кооперативах

ПОЛУЧЕНЫ
заграничные
и русские
ЭЛЕКТРО - МАТЕРИАЛЫ

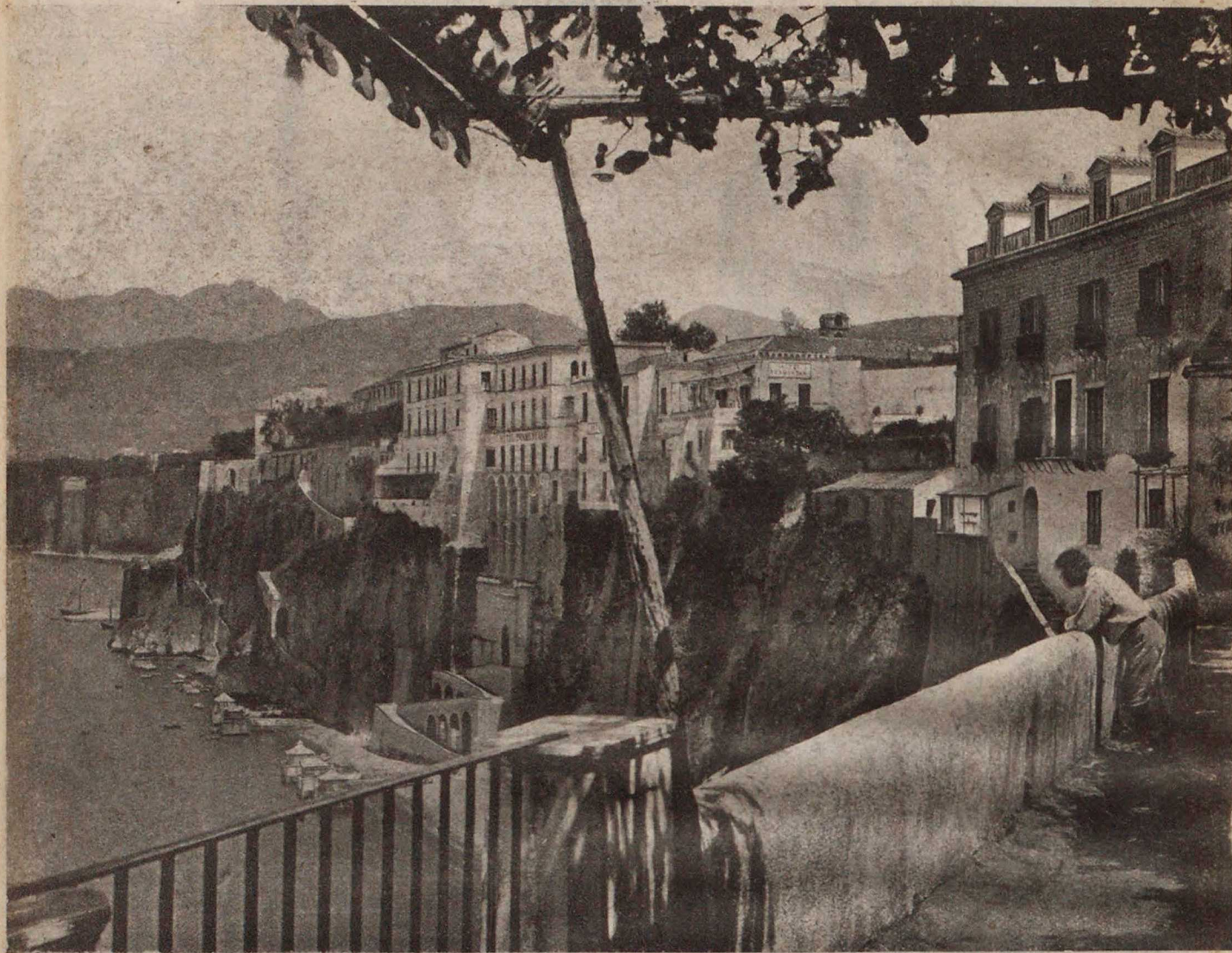
РАДИО - ПРИЕМНИКИ
и
принадлежности

Цены вне конкуренции

ТАРИФ 1 страница — 960 р., 1/2 страницы — 480 р., 1/4 страницы — 240 р., 1/8 страницы — 120 р., 1/16 страниц — 60 р. Строка

М. Горький и полпред СССР в Италии тов. П. М. Керженцев на террасе дома М. Горького в Сорренто (Италия).

Сорренто. Вид на залив.

Несколько минут у Горького

Очерк Андрея Соболя.

... Юг недружелюбно встречает меня. Рим огоршил холодным дождем, Неаполь встретил пронзительным ветром, — куксится Везувий, потемнел, нахлобучил он по уши мохнатую шапку, сизо-облачную, дохнул дымной струей, точно закурил напоследок; одна-две затяжки — и нет Везувия. А Сарги давно уже потонуло в бледно-синем тумане.

И вот дождь, в сыкоть попадаю я в Сорренто.

И низко плывут облака, и вяло я бреду в первую попавшуюся гостиницу. К вечеру во всю шумит широко. От него не уйти, не спрятаться: он всюду найдет, он всюду тебя настигнет. Жду нового утра, — и новое утро приходит с солнцем. И в солнечный день мне все уже кажется иным. И снова я узнаю прежнюю Италию, которую я покинул много лет тому назад.

И в солнечный день первый попавшийся итальянец быстро, весело, охотно, с полной готовностью, — глазами, руками, ногами, всем телом, — объясняет мне, где живет Massimo Gorki.

И, конечно, итальянец немедленно узнает во мне русского. И, конечно, итальянец в две минуты задаст мне сто вопросов.

По белой каменистой итальянской дорожке, ближе к горам, вдоль моря идет мой путь, чтоб оборваться в дверях небольшой виллы.

И в светлой просторной комнате, где много книг, много солнца, много воз-

духа и так мало вещей, предметов, меня встречает хозяин этой комнаты: чудесный друг этих книг, человек для кого солнце — все и чьи глаза всю свою жизнь ненавидели темень.

Это первая моя встреча с ним. И так понятно, что я жадно гляжу на него, что невольно мне хочется в один миг охватить все, все: и лицо его, и комнату его, и стол его.

... В свое время и я, как и многие другие писатели, начал нелегкий писательский путь своей «от Горького».

Лет одиннадцать тому назад из маленькой итальянской деревушки Cavi di Lavagna я послал ему свою первую робкую работу.

И вот много лет спустя я впервые вижу его.

И только теперь я убеждаюсь, что портреты Горького — это одно, а сам Горький, вот живой, настоящий, от этих острых внимательных глаз до этих больших, молча говорящих, рук — другое.

И чувствую: глаза охватывают меня сверху до низу и точно говорят про себя:

— А ну-ка, поглядим да посмотрим, что это за фигура!

И ровно через три минуты я на тех рельсах, на которых надобно стоять, — и стрелочник-хозяин, направив меня по верной ветке, — по ветке без всяких фокуссов и штук, — уходит глубоко в

кресло, откуда его пытливые глаза кажутся еще глубже, еще острее.

Как он умеет дать нужный толчок, чтоб гость — даже гость случайный — попался туда, куда надо, показал себя с той стороны, с какой нужно, и был бы тем, кто он есть: вот как на ладони, без листочков всяких, таким, каким мать его родила. Да жизнь обломала.

Уходит глубоко в кресло, чтоб из глубины поймать, уловить, узнать, ощутить человека.

И мне легко именно так поддаться ему.

И мне нетрудно... И не надо никаких усилий делать над собой и какое-то странное — легкое и светлое — ощущение свободного состояния души дает тебе право в этой просторной комнате, где за окном так близко море и так волнующе ясно голубое небо, быть тем, кто ты есть, и говорить так, как тебе подсказывает сердце твое.

Он только изредка подталкивает — спрашивает; он только от поры до времени раз-другой переспросит.

И ему отвечаешь так, как некогда клялись во французских судах:

— Я скажу правду. Я скажу всю правду. Я ничего не прибавлю.

Ибо можно сказать правду, но не всю. Ибо можно ведь сказать даже всю правду и в то же время кое-что прибавить «от себя».

... Надо ли говорить о том, что все слова — сказанные и невысказанные пока

Сорренто. Вид на город.

(пока до следующей встречи)—только о России.

Да, за окном Везувий, да, близко Неаполь и если прищуриться хорошенько—уловишь очертания его берегов, да, иное небо над нами и иную, не русскую речь, вяжут за окном чьи-то быстрые, южные, мягкие голоса—но Россия тут, незримо, но крепко, но о России все мысли и вся боль, как о России все ощущения и вся возможная радость.

Минуты бегут, уходят—но ни на минуту не уходит Россия, со всею ее деревушками, фабриками, несуразностями, нелепостями, вспышками, провалами, достижениями, темнотой, чудодейственной волей, смешной, порой, наивностью, ясностью действия, путаницей.—Россия, какова она есть, Россия, от которой не уйти.

И от которой ни на миг не уходит он—этот высокий, слегка сутулый человек, которого видели в своих владениях все российские большаки и все российские запутанные тропинки.

И надо ли еще говорить о том, какой огромной любовью перевиты все его слова и вопросы о русской литературе, о сегодняшнем дне ее, о ее завтрашнем дне, о великой неумирающей связи между ее «вчера» и «сегодня»?

Я не удивляюсь, что все работники сегодняшней нашей литературы,—от самого незаметного до самого превознесенного,—точно вот минуты две тому назад ушли из этой комнаты, все свое прочитав и всю свою суть обнаружив, как не удивляюсь, когда мать наизусть знает все черты лица своего ребенка.

Но одно знать все черты—и другое,

совсем другое, эти черты вобрать в себя, этими чертами болеть или радоваться.

Знать может всякий, даже сидя на Канарских островах; русскую книжку можно выписать даже с Огненной Земли. Но огненно, пламенно навеки связать

себя с литературой и так связать, чтоб связь была кровной и ощутительной для каждого, для любого начинающего писателя в какой-нибудь Чухломе—мог только он.

Не спрашивайте меня, как вот не раз и не два спрашивали меня мои московские друзья, правится ли Максиму Горькому Бабель, какого он мнения о Сейфуллиной, что он говорит о «на-постовцах» и т. п.

Это частности, и это, по правде говоря, не так уж важно. И—простите—это порой похоже на анкетный вопрос какой-нибудь вечерней газеты.

Есть другое—и это поважнее да по-крупнее: ему дорог каждый наш сдвиг, каждое наше достижение—ему радость, как каждая наша ошибка—боль, боль до глубины сердца.

Этому большому сердцу нужны большие ответы.

Он вправе их ждать. И мы—все, все, пишущие, в той или иной степени, но делающие писательское дело,—должны этот ответ дать:

—Работой! Только работой!

Чтоб мог он с загоревшимся взглядом острых глубоких и пытливых глаз проговорить бодро:

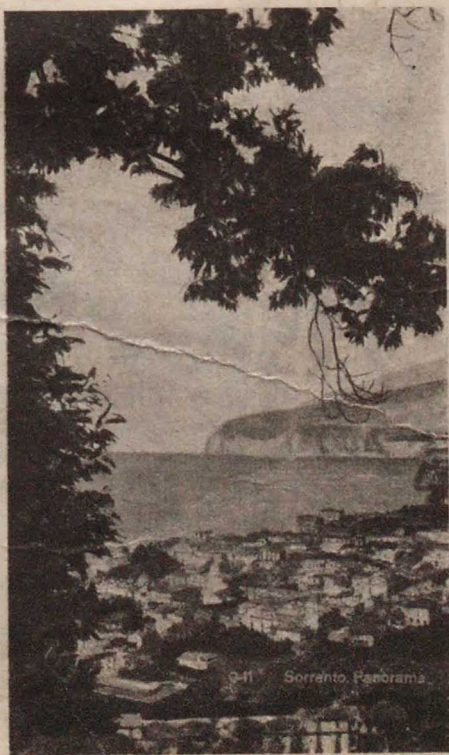
—Хорошо ребята действуют!

... Как здоровье его?

Я знал: он не любит, когда его спрашивают об этом. И я не навязывался.

Но я не мог не тревожиться. Я не расспрашивал, но я приглядывался; я не допытывался, но я следил.

И мне кажется, что сейчас для тревоги нет места. Мне радостно об этом сказать, и я знаю, что тысячи эту мою радость поймут и разделят ее со мной.

Вид с террасы Горького.

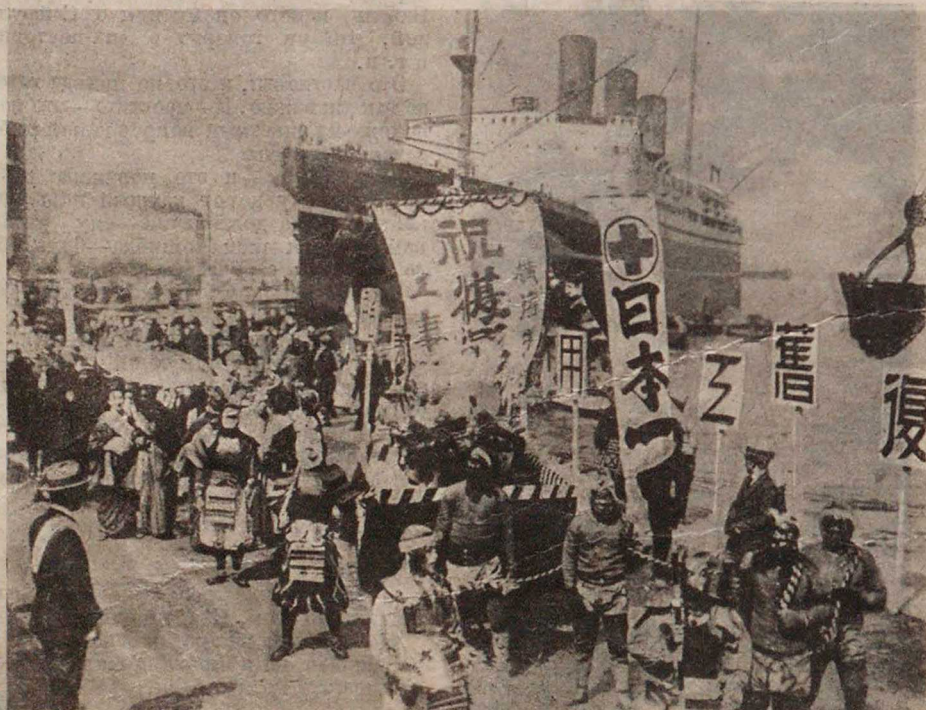
12-го июня Советским правительством подписан концессионный договор с торговым домом Гарриман и К-о, предусматривающий передачу этому дому, сроком на 20 лет, исключительное право на разведку, разработку и эксплуатацию чиатурских месторождений и на экспорт марганца и пероксидов из этих месторождений, находящихся в Шаропанском уезде, Кутаисской губернии, ССР Грузии. На нашем снимке—подписание концессионного договора с торговым домом Гарриман и К-о в кабинете председателя ВСНХ тов. Дзержинского. Справа—деловой представитель ВСНХ СССР тов. Ф. Э. Дзержинский, народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин, зам. полпреда Зинвасской СФСР при СНК СССР тов. Мамуля, член Главконцесскома тов. Минкин, тов. Г. Л. Пятаков, проф. Шретер, представители торгового дома Гарримана и К-о—г-г. Элиот, Раскович (сидят), Джанели (эксперт и переводчик) Шеллингс.

Меньше всего думает об этом он сам. Он—человек исключительной работоспособности, он, для кого слово «труд» не синоним тяготы, заданного и принужденного урока, а слово радости, привет

солнца и великой творческий закон жизни.

... В Сорренто танцевали «тарантеллу». Танцевали не взрослые, а дети: по найму, ради заработка, ради двух-трех лир.

Восстановление Японии

В свей, открытый новый порт Накагама пострадавший в время прошлого землетрясения в Японии. Карнавал при открытии порта.

Гудели бубны, детские рученки щелкали кастаньетами, тщедушные фигурки в возрасте от 7 до 15 лет,—девочки с застывшими улыбками, мальчики с заученными жестами,—убого и жалко плели круг южной и пылкой отваги, мертво пристукивали каблуками, уныло размахивали цветными шарфами.

А когда единственно живое существо шестилетний карапуз, прекомичное создание в неаполитанском костюмчике, с глазенками-изюминками на пухленькой, важно-сосредоточенной рожице, сорвал с себя красный хвостатый колпачек и, уморительно преклонив колено и на бок пригнув головку, поглубокая свою партнершу, я совершенно случайно в эту минуту посмотрел на Алексея Максимовича.

Я немедленно отвернулся: я не знал, что человеческие глаза могут так скорбно глядеть.

И эта скорбь за такое крохотное, маленкое человеческое существо ясно и четко дорисовала—по-русски, да-да, по-русски,—облик того, в чьем коротком имени «Максим Горький» так полно и так глубоко отражена вся Россия.

... Знаю, когда эти слова дойдут до Алексея Максимовича—нахмурится он, пальцами побарабанит по столу, помолчит, помолчит, а потом скажет приблизительно так:

— Вот и пусти к себе человека. И часм его угощал и книжки ему давал читать, а он тебя взял да охаял.

Но, может быть, все-таки простит мне Алексей Максимович эти путанные строки,—возможно, очень путанные,—но продиктованные только одним: любовью и огромным уважением.

Андрей Соболев.

Торжественное заседание во дворе Института в присутствии рабочих организаций и дипломатического корпуса.

СМЕНА ВЕХ В ХАРБИНЕ

Эмигранты, засевшие на Восточно-китайской жел. дороге в количестве 10.000 человек, все время саботировали и не хотели выбирать советских паспортов. Но как только был издан знаменитый приказ № 94 о Вост.-китайской дороге, Генеральное Консульство СССР в Харбине было завалено прошениями о восстановлении в правах и выдачи советских паспортов. Хвосты от Консульства СССР тянулись через всю улицу.

Приемные часы—с 9 утра. Лестница запержена. Прибывают все больше и больше. На скамьях и в б-е сидят, на улице, прямо на тротуаре группами и в одиночку сидят просители. Большинство из них хлопчат о восстановлении в правах гражданства. Остальные регистрируют или обменивают.

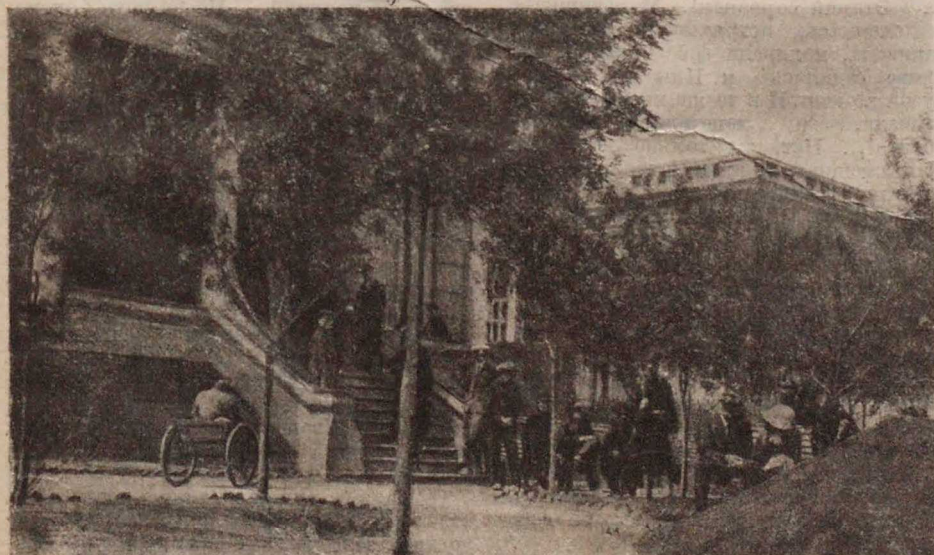
В приемной тесно, хотя комната вместимостью до 500 человек.

В белогвардейских газетах пишут, что

виза на выезд стоит чуть ли не 60 рублей. Сколько же на самом деле она стоит?

Очередь к 12 час. дня.

Джурства у консульства. Очередь к 5 час. утра.

Тов. Зейте, заведующий паспортным отделом, смеется. Виза на выезд стоит всего 1 р. 80 коп.

Только за апрель месяц Консульство посетило 11.000 человек. Восстановлено в правах из этого числа 50%. Тысячи и тысячи каждый день прибывают с дальних окраин Манчжурии, чтобы восстановиться в правах, приезжают даже из-за границы, из глубины Японии и Америки. В последнее время усилился приток железнодорожников.

ЭМИГРАНТЫ

Посмертный рассказ Бориса Савинкова.

Написано за месяц до смерти.

— По моему, очень просто... Я тонкостей этих и разной там чепухи, извините, друг мой не признаю... Если женщина изменяет, в этом всегда виноват мужчина. Умному и талантливому мужчине, который прожил красивую жизнь, женщина не изменит... Нет, как угодно, а не изменит... Она будет его беречь! Она будет его уважать!.. А о дураках, какая, спрашивается, печаль... Любишь кататься, люби и саночки возить... Туда и дорога.

— А если изменяет мужчина?

— Мужчина?.. Это трудный вопрос... Но лично я решительно осуждаю... я за нравственность. Стойно смотреть на женщину, как на самку... Стойно поощрять свои низменные инстинкты... Женщина—человек!

— Николай Иванович, вы мне открываете новые горизонты... Это знаете ли?.. Как бы это сказать?.. В своем роде Колумбово яйцо!.. Вот именно, любя кататься, люби и саночки возить... Значит, всегда виноват мужчина?

— Непременно мужчина.

Они сидели на террасе кафе: Николай Иванович, предстательный, с золотистой бородой и небольшим, еще вполне пристойным брюшком, Сережа—бритый, голубоглазый и, по выражению дам, «весьма интересный». Оба были одеты не щегольски, но солидно, как и подобает приличным людям: котелок, безукоризненное пальто, перчатки. Было начало июня. Вечернее солнце играло зайчиками на блюдах и произвело стаканы с пивом и вином. Грохотали и лязгали автобусы. Звонили трамваи. Ревели рожками автомобили. Сломая головы, мчались мальчишки и выкрикивали названия газет... И, заглушая этот разногласный шум, по тротуару шаркали ноги. Они шаркали непрерывно и сухо,—как шуршит прилив по песку. Пахло потом. Носилась пыль... Николай Иванович сбоку, внушительно, посмотрел на Сережу.

— Почему я борюсь против большевиков?.. Вы, наверное, думаете, потому что они погубили Россию? Конечно. Но это не все. Они проповедуют распушенность нравов! У них разврат. Они плюют на семью!.. И Симочка это знает... Зачем я приехал в Париж? Лоботрясничать? Проживать деньги? Нет, извините, я приехал работать... Это Симочка знает тоже... Ну, а разумеется, если хныкать: «В Москву!.. В Москву!.. в Москву!..» да дебоширничать, да протягивать руку за подавнием, то чего уже требовать от жены?.. Нет, Сергей Сергеевич, вольному воля, а я, извините меня, спокоен...

Он увлекся своим красноречием. Он не замечал, что говорит уже не о женском вопросе, а о Симочке и себе. О себе он говорил всегда и при всех условиях. В начале революции, на митингах в Петрограде, зывая к «истине, красоте и добру». Потом на Волге, требуя «во имя цивилизации» расстрелов. Потом в Сибири, отстаивая «естественные права человека», неизменно выходило одно и то же: без него, присяжного поверенного Николая Ивановича Быкова, нет ни «истины», ни «красоты», ни «добра», ни, конечно, «цивилизации», ни тем менее «естественных прав». А так как слушатели рукоплескали с ожесточением, то он поверил, что он «великий оратор»... У него было «революционное имя». Он гордился им и любил вспоминать, как лет двадцать назад его составили в Уфу. Да,

пришлось-таки претерпеть за идею... А если в эмиграции, в Париже, он вынужден заниматься коммерческими делами, то, скажите, пожалуйста, чья в этом вина?.. Конечно, большевиков... Он вынул серебряный портсигар и достал напиросу. Сережа чиркнул предупредительно спичкой и, протягивая ее, сказал:

— С вами поговорить полчаса, и все ясно, как апельсин... Другие пьянствуют а вы работаете, творите... Другие бегут за каждой девчонкой, а вы... Эх, если бы на юге были такие люди... Ну, а Николай Иванович, как мое дело?..

Николай Иванович насторожился:

— Гм... Надо обдумать... Поспешить, мой друг, людей насмешишь!..

Он заплатил за обоих и встал. Сережа провалился в зияющую дыру метро, а Николай Иванович крикнул автомобиль. Стемнело. Перебегая красными и белыми огоньками, вспыхивали рекламные. Кружились огненные колеса. Сверкали театры. Из освещенного, многоэтажного дома гремел по радио Нью-Йоркский оркестр. И уже не шаркали ноги... Николай Иванович снял котелок. В лицо пахло свежестью и бензином. «Так-то... А у нас в России, свинятник... Должно быть Симочка зажала... Надо бы фиалок купить... Ну, да, ничего... Когда нибудь целую оранжерею куплю»...

Симочка услышала, как медленно поднимался лифт, и когда он стукнулся о площадку, не ожидая звонка, открыла двери. Она была в домашнем шелковом платье—розовом с черным. Розовый цвет к ней шел. Глаза были карие, зазорные и немного лукавые, как у казанских татар. Кудри—каштановые, с красноватым оттенком. И вся она была маленькая и круглая, крепко обитая, с высокой грудью и коротенькими ногами. Правда, кудри ей делал парикмахер Адольф, а глаза она сама подрисовывала карандашом. Но Николай Иванович не подозревал этих супружеских ухищрений, и был очень доволен. Главное, Симочка всегда изящно одета и от нее даже на улице пахнет духами... Нет, Чехов, конечно, не прав. Не все любят холод и живут в водосточной трубе. Умный человек создает вокруг себя и красоту и уют.

За столом Симочка была очаровательна... Этаний сорванец!.. Мальчишка!.. Она смеялась, встряхивала кудрями, всакивала, наливала себе вина и шаловливо садилась к Николаю Ивановичу на колени. И в то же время, не рассказывая, а лепетала: — Количка, вообрази!.. Нет, ты только вообрази. Какая смешная Лидия Петровна!.. Мы были с ней в магазинах... я купила лиловую блузку. Прелесть. Вся в кружевах... А она говорит, что лилового теперь не носит никто!.. Это она нарочно! Хочет показать, что у нее много вкуса... А ты знаешь, откуда она? Из Калуги!.. Потом, Количка, мы пошли на каток... Симочка каталась на коньках четыре раза в неделю: доктора прописывали ей motion. Каталась она с увлечением, потому что учителем в «Ледяном Дворце» был «тоненький, как тростинка» англичанин, с глазами «цвета морской волны». Но, об англичанине она промолчала. Ах, боже мой, нельзя же помнить обо всех мелочах!..

Она была раскрыта настежь. Было тепло и так тихо, как в уездном городе летом. Шептались листья акаций, да

далеко, у Булонского леса, по-деревенски лаяли псы. Николай Иванович слушал Симочку и снисходительно улыбался. Он—честный человек, и Симочка—восхитительная жена, и все превосходно. Когда пошут большевики, он вернется в Россию, его выберут снова в Учредительное Собрание и он «оставит в истории след». «Следом в историю» он был весьма озабочен. Ему казалось в высшей степени важным, как оценят его потомки,—школьники у экзаменационных столов. Допив кофе, он сказал, что встретил на бульваре Сережу и что Сережа чудак: парню тридцать два года, а он в женщинах ни бельмеса!..

— Представь себе, уверял, что французенки часто изменяют мужьям, а русские редко... А по-моему национальности тут ни при чем. Прерассудки!.. Все зависит исключительно от мужины.

Он закурил и бросил сафетку на стол. За окном несмело щелкнул невидимый соловей.

— Ах, что ты? Что ты?.. Конечно, Сергей Сергеевич, прав...

— Ты находишь?

— Да, да... да, да... Насчет русских женщин? Конечно! Мы вдумчивы, мы глубже французенок... Мы скромнее... Вспомни, Количка, что писал Мопассан!.. Ведь это же гадость!.. Разумеется, бывает всякое и у нас... Но другое, совсем другое... Вот, например, Лидия Петровна. Она разошлась с мужем, то-есть все-таки изменила... Но почему? Потому, что он запретил ей учиться, поступить на медицинские курсы. Так это понятно! Нельзя же стеснять свободу!.. Женщина не раба!..

— Я же и говорю...

Симочка подбежала к окну и облокотилась на подоконник. Николай Иванович видел ее наклоненную спину и крутые, обтянутые шелковым платьем бедра. Слегка покачивая толстым брюшком, он на ципочках подкрался к ней сзади, и крепко обнял ее. Внизу, на улице, в бездонном колодце, горел неяркий фонарь. Он освещал кусочек белого тротуара и часть соседней стены. За стеной чернели деревья. Симочка подняла голову и мечтательно посмотрела вверх:

— Количка!.. Млечный путь!..

Николай Иванович поцеловал ее в губы. Она ответила на его поцелуй и сказала:

— Я не емешиваюсь... Нет, нет, Количка, не подумай... Но по-моему он порядочный человек...

— Кто?

— Сергей Сергеевич...

Николай Иванович не любил деловых советов, особенно женских. Он—хозяин. Ему не нужно указок. Кажется, он догадался перевести во время деньги в Лондон. Кажется, он их не расточил, а сберег... Да, но Симочка прелесть. У Симочки есть чутье. Она видит людей насквозь... Он все-таки нахмурился, для приличия:

— Ты полагаешь?

— Количка, я наводила справки у Лидии Петровны... Впрочем, как хочешь... Ты ведь умница... Тебе лучше знать... А мне что же. Мне все-равно...

Николай Иванович посмотрел на часы:

— Девять... Сейчас придут... Симочка!..

Он взял ее рукой за талию и тихонько отшел от окна. Но в прихожей безжалостно зазвенел звонок: пришли Воздвиженский и барон Оллонгрэн.

Николай Иванович принял их у себя в кабинете. Кабинет был строгий, в ан-

глийском стиле. Кожаная, очень глупая мебель. Камин. Этажерка с напиками и делами. На стене — большая карта Европы... Вышительно и достойно. Сразу видно, что не лавочка, не мелкая спекуляция... Николай Иванович сел за письменный стол, а гостей усадил на стулья. Было приятно, что рядом с чернильницей стоит мраморный бюст Жюзепа, что где-то щелкает соловей и что Симочка в гостиной наигрывает «Торредора». А главное, было приятно, что он, Николай Иванович, неторопливо и с толком обсуждает интересное предложение... В столице мира, в Париже... Не то, что всякая шантрапа...

— Рекомендую! Барон Оллонгрэн. Отставной козы барабанщик и коммерсант!.. Захотел Воздвиженский и тыкнул в барона пальцем.

— Невероятно, но факт...

Барон Оллонгрэн наклонил дряблосемями усами лицо.

— Синий кирасир и все прочее, двадцать шестое... А глядишь, теперь, как и мы грешные, без штанов... Эх, нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет!.. Неправда ли, Николаша?..

Николай Иванович поморщился. Что это за тон? И что это за «Николаша»? Но обидеться было глупо: Воздвиженский был со всеми на «ты». Уж такая привычка... Полюбите нас черенными, а белыми всякий полюбит... Он русский человек: душа нараспашку...

А кроме того, разве не он, высунув язык, бегаёт по городу второй месяц. Зато, слава богу, будьте добры получайте. Все готово. Остается только подписать договор.

— Николаша! Голубчик! Сердце мое!.. Кланяйся в ножки! Спасибо, барон согласился!.. Без него, как без шпата... А какую гостиницу мы откроем. Сто на сто!.. Я знаю, что говорю. Барон вносит двадцать пять, я — двадцать пять, ты — пятьдесят... Даром! Пустяковые деньги!..

Барон Оллонгрэн подтвердил:

— Сущая правда: даром.

Николай Иванович взял карандаш и начал подсчитывать на бумаге: «Помещение... Инвентарь... Нотариус... Налог...» Он не привык «ангажироваться» вволю. Все надо предвидеть. Деньги счет любят. Наконец, у него есть обязательства, перед Симочкой, например... Конечно, выгодно, что говорить... И Воздвиженского он знает давно, еще по Сибири... Но этот барон? Уравнение с одним неизвестным? Впрочем... Впрочем, все-таки, барон, а не чорт знает кто... Хотя Николай Иванович и был демократ и даже немножко социалист, но титулы ему льстились. Кто он?.. Сын учителя гимназии, а посмотреть, как никак, титулованная особа тянется перед ним в струнку. Вот, что значит беспорочное имя!.. Он расправил золотистую бороду и сказал:

— Вот что... Вы, знаете, господа, я за доходами не очень гонюсь. Но я свое слово дал и назад его не возьму... Однако, при одном непременном условии... В каждом деле должна быть идея... Гостиница, как таковая, отнюдь, не привлекает меня!..

— Николаша!.. Собака ты этакая!.. Кошоп...

Николай Иванович поморщился снова. — Не привлекает меня... Как и вас полагаете тоже... Угодно? Десять процентов чистого барыша отчисляются в пользу нуждающихся эмигрантов, преимущественно солдат...

— Да, господа!.. Да само собой!.. Радость моя!.. Да о чем же и толковать?.. Барон, вы согласны?..

Барон Оллонгрэн промычал что-то, чего Николай Иванович не понял. Но Воздвиженский кивнул головой:

— Барон согласен... Конечно... Он у нас и кассир... «При мне мой меч.

За злато отвечаст честной булат». Да-с, ваше превосходительство, господин бывший генерал-лейтенант!.. Ха-ха-ха!..

Николай Иванович выписал чек и плавно взмахнул рукой:

— Господа, мы должны помнить, что коммерция дело на наше, и что Россия нас ждёт... Я убежден, с другой стороны, что наши соотечественники будут признательны нам... В будущей возрожденной России, в свободном, правом государстве...

Он бы говорил еще долго, но Воздвиженский схватил чек, сунул его барону и крикнул:

— Ну, Николаша, великолепно!.. Теперь нужно взбрызнуть!.. Зови Серафиму Никифоровну сюда!

Взбрызгивать решили ехать в «Олимпию», ночную трущобу, — не потому, что в «Олимпии» было дешевле, а потому, что не знали Парижа, хотя жили в нем несколько лет. Симочка захлопала от восторга в ладоши и закружилась так, что юбка ее зачертила по кабинету, а ноги открылись выше колен. Кружась, она раскраснелась и темные кудри от Ююля в беспорядке рассыпались по плечам. Николай Иванович нашел, что Симочка в самом деле очень мила. Но было неловко перед Воздвиженским и бароном... Симочка, в сущности, еще, конечно, ребенок, а смогут подумать бог знает что... Когда соли в автомобиль, Воздвиженский начал рассказывать анекдоты. Симочка громко смеялась, била его перчатками по рукам, и повторяла, что ей «безумно весело» и хочется танцевать. Николай Ивановичу стало еще более неловко. Чтобы переменить разговор, он кивнул на огромную и пыльную, сияющую огнями, Площадь Согласия, и пояснил, что «здесь казнили последнего короля». Барон Оллонгрэн хмыкнул в нос и ничего не сказал.

По узкой лестнице спустились в грязный, с зеркальными стенами коридор. В баре, на очень высоких стульях, у стойки сидели раскрасневшие девицы, и блестящими от кокаина глазами, жадно рассматривали мужчин, — точно заглядывали в бумажник. Чахоточный барман размешивал в рюмках коктейль. За его спинной радугой торчали бутылки, а над бутылками болтались лаконические афиши: «Маззаватти» «Мартини» и «Мумм». Войдя в «Олимпию», барон подтянулся, как будто стал выше ростом и молодежавато покрутил седые усы. И хотя было душно и очень тесно, и оглушительно трещал гавайский оркестр, Симочка шла уверенной и свободной походкой, как на улице или у себя дома. На ходу она немного подпрыгивала и поводила бедрами и боками, так что девицы с любопытством смотрели ей вслед. Одна даже выругалась довольно громко. Но понял ее только барон. Он шел последним. Он на секунду остановился, уставился на ее подубожаженную грудь и, мотнув шеей, многозначительно подмигнул.

В зале место нашли с трудом, сели за столик и спросили шампанского и блескита. Танцовали те же девицы, но прилично, как светские дамы. Кавалеры были в пиджаках и котелках. Они кружились так медленно и с таким скучающим видом, как будто исполняли заданную работу. Только один, крошечный, в разноцветном галстуче и пенне, должно быть приказчик, откалывал заливхватки ногами. Но и он не смеялся, а, задрав голову вверх, без улыбки смотрел в потолок. Воздвиженский рассказал, что в прошлом году в этой зале встретился его знакомый денкинский офицер. Симочка недовольно надула губки. Танцевать было не с кем, а платя на девицах были неинтересные: слишком яркие и крикливые. Нечего было, по-

жалуй, и приезжать... А тут еще этот идиот со своими рассказами!..

Потом пили. Пили много, по-русски: шампанское, коньяк и снова шампанское. Воздвиженский захмелел и стал кричать, что он «попович, на воронежских хлебах питан», и что всем французам надо «морду побить». Барон тупо сидел на диване и искоса поглядывал на девиц. Воздвиженский поймал его взгляд и расхохотался:

— А-га, барон!... Седина в бороду, а бес в ребро!.. А еще политикой занимаетесь!.. Ну что ваш великий князь?.. Знаете,

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Присредвременный Кирилл...

— Сегодня преждевременный, а завтра своевременный... Да-с!.. и не постесняется... Смрино! К расчету стройся!.. Неожиданно прохрипел барон и выпил.

Николай Иванович возмутился. Он хотел обяснить, что Учредительное Собрание разрешит все вопросы, в том числе и о форме правления и что Кирилл — самозванец. Но Симочка заявила, что — дух. Они встали и протиснулись сквозь толпу. На уже побледневшем утреннем небе мерцали последние звезды. В каштанах весело чирикали воробьи.

Сергей Сергеевич был сыном Владимирского купца. Фамилия его была Миркин. Он и сам не знал, как его занесло в эмиграцию. В белых армиях он не служил и ни на каких фронтах не был. Какого чорта... Он не военный... А когда парашути в море, то что прикажете делать? Ну, сел в Одессе на пароход... Чем он занимался в Париже, тоже трудно было сказать. Продавал марсельское мыло и выискивал по чужим вестелям. Не брезгал квитанциями ломбарда. Носился с образцами консервов. Ездил зачем то в «раззоренные департаменты», то-есть в Пиккардию и в Шампань. Словом, приспособлялся... Этой дубине Воздвиженскому легко: Воздвиженский инженер. Николаю Ивановичу тоже легко: набитый дурак. Ну, а вот без определенного положения в пустую, покрутитесь-ка, заплатите-ка хозяйке, ловочнику, портному. Да не потеряйте «лица», — чтобы всегда был и шик, и блеск, и галстучек и тросточка, и золотые часы. Чорт его знает, тут завертись, как бес на екувороде... В последнее время Сергей Сергеевич искал денег для постройки русского водочного завода. Золотое дело. Колоссальное предприятие. Подумайте только... Зубровка, горькая, запеканка, спотыкач, облепиха... Где? В Париже... Да ведь кинутся, зубами вас грызть будут... Давай. Давай... И русские, и французы, и англичане, и там японцы и аргентинцы разные... Впрочем, можно и похерить завод... Смотря по желанию... Но деньги должен дать Николай Иванович. Что ему, копить, что ли?.. Пусть промышленность поощряет...

Сергей Сергеевич проснулся поздно и с отвращением оглянулся кругом. Полосатые, как арестантская куртка, обои. Полосатые занавески. Такие же ширмы. Рукомойник. Два стула. И в этой конуре надо жить... А за стеной слышатся на реяли сосед, господин Мекиньон. А на улице орут то точишники, то стеколяники, то соломенники, то какие то старухи-торговки. Да и не только орут. Дудят в трубы, свистят в свистульки... А из кухни волеет дукон... Сергей Сергеевич встал и пошел к телефону:

— Алло... Николай Иванович... Вы?... Я очень извиняюсь... Зайду вечером, если разрешите...

(Описание — в следующем номере).

В Париже скончался знаменитый французский астроном Камилл Фламмарин на 83 году жизни. К. Фламмарин родился в 1842 г. с детства увлекся астрономией. Уже

в 16 лет он был создателем собственной системы происхождения вселенной, земли и человека. Эта работа заинтересовала знаменитого астронома Леверье, который и взял молодого астронома в свою обсерваторию сотрудником.

С 1858 г. по 1862 г. изучал астрономию в Парижской обсерватории, с 1862 г. по 1866 г. работал при Бюро долготы. Одновременно он состоял редактором научного отдела журналов: «Космос», «Века», «Художественный журнал».

Фельдмаршал лорд Плумер назначен новым особым уполномоченным Англии в Палестине. Сноисты смущены тем, что новый комиссар Палестины — не еврей, а христианин.

Съезд «Пен-Клуба» в Париже. 23 мая, с/г, в Париже состоялся международный съезд писателей «Пен-Клуба» (Клуба Пера). На съезде были представлены писатели почти всех европейских государств, а также представители писательских объединений Америки и Мексики. Россия была «представлена» эмигрантами: Бунинным, Бальмонтом и Куприним. Последнее обстоятельство вызвало горячий и вистие

справедливый протест среди самых различных писательских групп Советской России. В столичной печати появился ряд писем и заметок, в которых русские писатели ясно и отчетливо заявили свое отношение к проехавшему съезду. Все эти заявления были единодушны в одном: —представительство Бунина, Бальмонта и Куприна от имени русской литературы, по меньшей мере, смешно. Эти писатели давало уже потеряли всякую связь с Советской Россией и, как — дись теперь в лагере самой крайней монархической реакции, уже тем самым, ни в какой степени не могут быть выразителями чувств и настроений современной русской литературы, столь богатой множеством молодых дарований, появившихся после Октябрьской Революции и тесно с нею связанных.

Советский посол в Токио. На нем с снимке тов. В. И. Копп, наш посол в Японии, отвечает на одну из бесчисленных дружеских приветствий, оказываемых ему японскими общественными организациями.

Пневматическая почта через океан. Группой французских инженеров во главе с знаменитым изобретателем Леранжем, разработан проект пневматического сообщения между Европой и Америкой. Трубы этой пневматической почты укладываются на дне океана, подобно тому, как укладываются океанский телеграфный кабель. Сообщение между Европой и Америкой не будет непосредственным, ибо отправное давление должно было бы обладать той силой, с которой выбрасывается снаряд 38-миллиметрового орудия. Поэтому на островах Атлантического океана будут устроены промежуточные станции. Снаряд с письмами, весящий около 4 пудов, будет пересылаться из Европы в Америку в 2 1/2 — 3 часа.

Рост детей по временам года. Доктор Франк (Германия) на основании длительных наблюдений над здоровыми детьми, в возрасте от 1 до 24 месяцев, пришел к следующим выводам:

Наиболее интенсивный рост детей приходится на апрель — июнь, наименьший — на сентябрь — ноябрь. В течение же лета, а также в январе и феврале роста вовсе не наблюдается.

Франк полагает, что повышенный рост, связанное с весенним периодом, зависит от более интенсивной работы желез внутренней секреции, получающих в свою очередь толчок от пищи (главным образом молока), особенно богатой в это время витаминами.

Литература об Эйнштейне. Луизенским (Бельгия) унивситетом недавно выпущен каталог книг, посвященных теории относительности Эйнштейна. Всего вышло 3775 научных трудов, исследований, изложений и т. д. На первом месте стоит Германия, выпустившая 1435 различных изданий, затем следуют: Англия — 1150, Франция — 650, Италия — 215 и т. д. «Никакая другая спорная теория не вызвала такого огромного количества печатных произведений» — говорится в этом каталоге. Там же сообщаются интересные сведения о числе ученых, занятых разработкой и проверкой этой теории. На первом месте опять стоит Германия, — где 350 ученых посвятили свои силы этой задаче, в Англии имеется — 185, во Франции — 150, в Америке — 128 и т. д.

его ратия молодость прошила в каменоломнях. Тяжелая работа каменотеса сильно расшатала здоровье молодого рабочего, он принужден был оставить ее и сделать попытку зарабатывать пером пропитание для себя и семьи. Но сотрудничество в мелких местных газетах давало жалкие гроши.

А признание, одобрение нигде не приходило, о широкой литературной деятельности писателя-самоучке не приходилось и мечтать. Полный отчаяния, не зная как выбиться из нищеты и неизвестности, Туссель снова впрягся в каменоломни, дробить тяжелые глыбы скал. Но писательство свое не забросил, отдавая ему каждый свободный от работы час.

В настоящее время писателю тридцать два года. Первую его книгу — «Печальное приключение» — вышла в 1920 году. Завоеванное желание молодого рабочего, наконец, осуществилось. Он вышел на широкую литературную дорогу. Яри Барбюс радостно отметил появление талантливого пролетарского писателя.

В русском переводе «В. Ильиной» рассказ Жана Тусселя выходит вторым в библиотеке «Огонек».

Роскошь в Америке. Какая вакханалия роскоши происходит в настоящее время в Америке, показывают следующие красноречивые цифры, опубликованные в отчетах департамента финансов, торговли и промышленности. Общий национальный доход С. Штатов за последний год возрос до 60 миллиардов долларов. Из этой суммы на предметы роскоши тратится 8 миллиардов долларов. Сюда относятся драгоценности, меха, косметика, духи и дорогой табак; на артефакты и кино тратится 3 миллиарда в год; на сладости — около полумиллиарда и столько же на шпательные изделия; на драгоценности американки тратят ежегодно 250 миллионов долларов и на косметику 80 милл. долларов.

С жиру бесятся. В Нью-Йорке на 30-й улице выстроена японская крепость, куда с восторгом закрыты доступ мужчинам. Союз «Клуба молодых девушек», владелица этого дома, допускает в число жилищ лишь тех женщин, которые дают подписку в том, что они: 1) не замужем и не обручены и 2) не питают злостных намерений вступить в брак в ближайшем будущем.

Клод Мак-Нэй, негр-поэт и писатель, делегат IV конгресса Коминтерна, в рас

сказах своих с непосредственностью человека, знающего то, о чем он пишет по личным переживаниям, рисует мрачный быт негров, нечеловечески угнетаемых «высоко — цивилизованной» американской буржуазией.

Нет, бывало, пытки, которая не применялась — к несчастным людям, вся вина которых — черная окраска кожи. Линчевания — это кровавейшее, гнуснейшее надругательство над человеком, столь обычное — даже сейчас, в 1925 году — в «гуманной» Америке — описано Клод Мак-Нэй с жуткой правдивостью и простотой — в первом рассказе — «Судом Линча», который вместе еще с двумя рассказами выходит в очередной книжке библиотеки «Огонек».

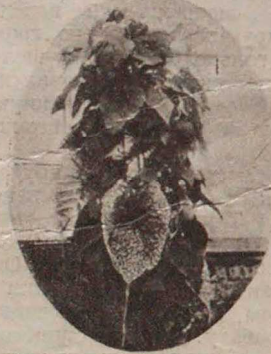
Советский коллекционер. Ташкентский кустарь — коллекционер тов. Нижанский, по профессии часовый мастер, с 19-ти лет начал собирать старинные монеты. Скупал он их у туземных старьевщиков на скудные гроши, заработанные им в качестве подмастерья.

К 1920 году, тов. Нижанский собрал первую коллекцию в количестве до 600 шт. редких золотых, преимущественно древне-персидских, греческих, ассирийских, а также монет бывших среднеазиатских ханств.

Сейчас тов. Нижанский собирает 6-ую коллекцию, которую намеревается сдать в Ташкентский музей. Первые пять коллекций, собранные тов. Нижанским, переданы им в Средне-Азиатский народный музей.

Природная мышеловка. «Голландская трубка» — цветок

с своим запахом привлекает мышь и затем убивает их, захлопывая чашечку.

Из предисловия В. Ильиной к книжке Жана Тусселя — «Каменотес».

«Жан Туссель — пролетарский писатель. Его родина Валлония, один из крупных горнопромышленных округов Бельгии. Туссель — рабочий и сын рабочего-горняка. Вся

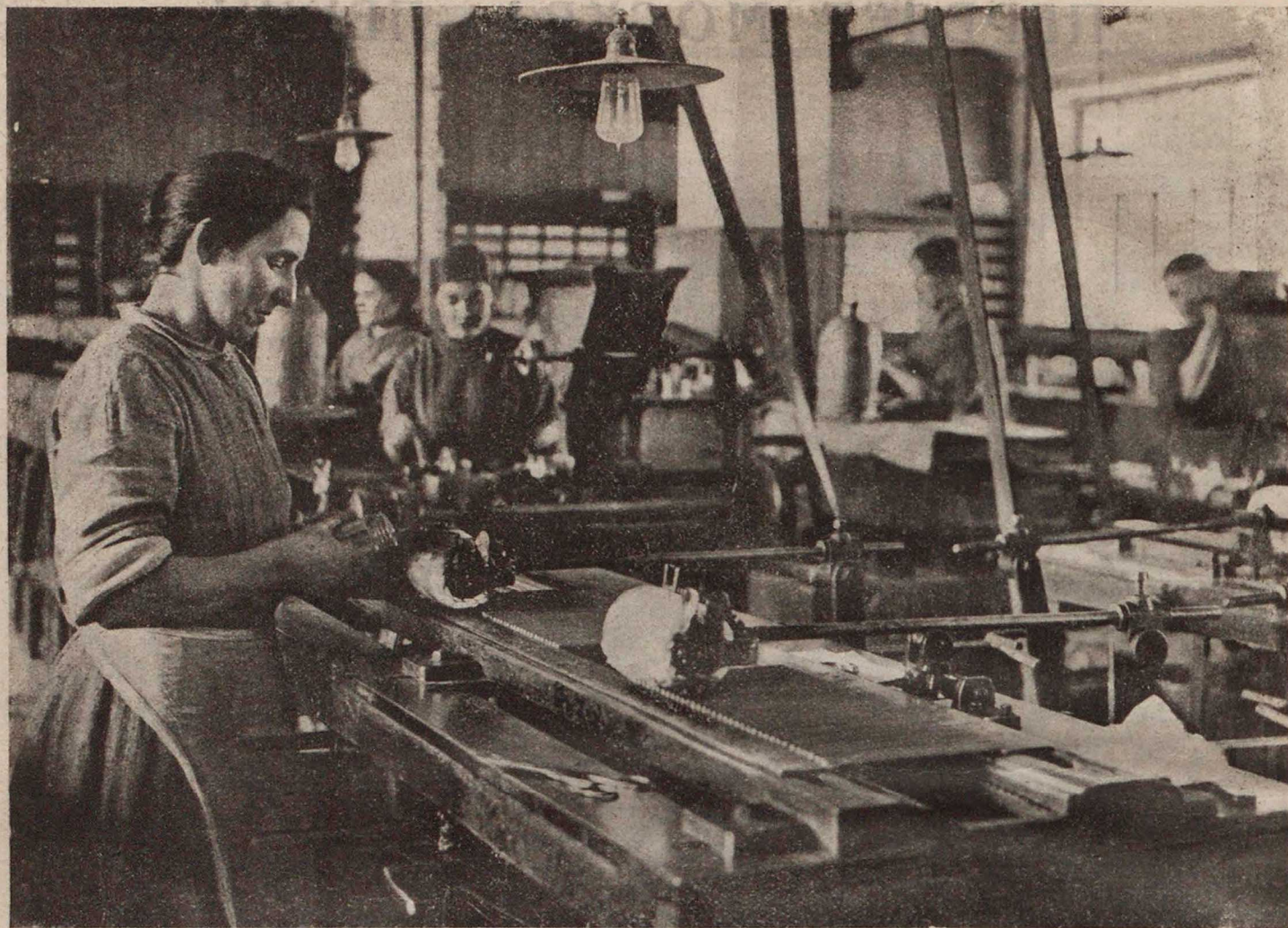
ПЕРЕЛЕТ МОСКВА—ПЕКИН

Наверху—общий вид аэродрома перед полетами. Ниже—пробные полеты аппаратов, участвующих в экспедиции. Внизу—участники перелета и представители московской прессы. В овале—митинг перед полетом. Выступление тов. Рыкова.

10-е июня 1925 года будет особо отмечено в календаре мировой авиации. 10 июня горсть красных смельчаков-летчиков, в сопровождении немногих представителей Советской прессы, вылетела из Москвы в Пекин. Москва—Монголия—Китай—вот маршрут этой великой воздушной экспедиции. 7.000 километров через Азию, через таинные дремучие леса и непроходимые болота Сибири, через Уральские горы и Вайнальский хребет, над глубочайшим озером-морем Байкалом и знойной пустыней Гоби-Шама. Перелет Москва-Пекин, организованный «Добролетом» и Авиахимом СССР—экзамен для советской авиации и авиопромышленности. Его задачей, кроме того, является укрепление дружбы СССР с братскими народами Монголии и Китая. Маршрут экспедиции делится на 4 участка. Каждый из участков на эскапы. До Пекина будет 20 посадок. Первый этап—Нижегород, Нижний Новгород, затем Казань, Сарапул, Красноуфимск, Свердловск, Курган, Петропавловск, Омск, Каинск, Ново-Николаевск, Мариинск, Красноярск, Канск, Нижнеудинск, Зима, Верхнеудинск, Кяхта, Ула-Батор, Красный Богатырь (столица Монголии, б. Урга), Удэ (Китай) и, наконец, Пекин.

Путь из Москвы на Нижний-Новгород и Казань (749 километров) наиболее легкая часть всего перелета. От Казани до Сарапула (320 километров) маршрут идет по железно-дорожной линии. За Сарапулом путь ухудшается: в Приуралье много густых лесов, сильно затрудняющих полет. От Сарапула 323 километра до Красноуфимска, 420 километров до Свердловска. От Свердловска до Омска (880 километров) путь удобный с легкой ориентацией; такой же путь приблизительно до Каинска. Большим затруднением в дальнейшем пути служит непрерывная цепь озер и болот, которые тянутся до Ново-Николаевска. Затем начинаются холмы и возвышенности, путь идет над Сибирской тайгой и так до Иркутска. Тяжелые испытания идут экспедицию в пустыне Гоби-Шама. Вихревые ветры пусы и вдымают столбы песка, бросают самолеты в стороны, застилают землю и мешают ориентации. Придется лететь по компасу. Управление и ориентация перейдет в пассажирскую кабину. Все пассажиры заранее обучены командной ориентировке: внимательно изучили топографию и геогр. фию местности. Светский Кольчуг—алюминий, большевистская сталь и коммунистический дух летчиков служат лучшим залогом успеха нашей экспедиции.

... «переворачиваясь с боку на бок, по доставляя бока свои мягким «квачам», намазаным лаком» ...

СОВЕТСКИЙ КАРАНДАШ

Очерк Вл. Якубовича.

У Павелецкого вокзала грузно высятся корпусами желтыми фабрика.

Над дверью входной—дощечка: 1-ая государственная карандашная фабрика, мени К. Либкнехта „Мосполиграф“.

Это—единственная в СССР карандашная фабрика.

Отдел за отделом растянулись по этажам корпуса.

Мерно стучат машины, вертятся пробники, гудят шкивы...

И что больше всего бросается в глаза так это—почти полное отсутствие рабочих.

Будто рабочие ушли куда-то и только некоторые остались присмотреть за работающими машинами. Это почти так!

Производство механизировано до мелочей и рабочие только «присматривают» за машинами.

Сладковато-горькая пыль носится в воздухе. Пыль от акварельных красок и графита. Металлические ступени лестниц кажутся чугунными от вешающегося в них графитного порошка.

Тяжелый, сладкий запах разлит в графитно-мельничном отделе.

Здесь графитный порошок, что привезен за тысячи верст, размалывается в кашку, смешанную с водой. Десятки жерновов, быстро вращаясь, мельчат будущий графитный стержень карандаша в мягкую массу, которая напоминает творог, размешанный для пашты.

Из мельниц эта масса поступает в фильтровальные прессы, которые, выжав воду, пресуют графитную массу в «коржи» толщиной в палец и величиной $\frac{1}{2} \times \frac{3}{4}$ аршина.

Эти графитные «коржи», разломанные на мелкие кусочки, проходят ряд грузных машин—гидравлические сита.

С громадною силою выжимает машина

Управляющий трестом «Мосполиграф» тов. Н. Г. Алмазов и директор карандашной фабрики тов. Л. А. Зорин.

черные, мягкие червячки графита, напоминающие мясо, выходящее из мясорубки.

Они мягки, вязки, эти будущие графитные палочки, и, выходя из сита, ложатся причудливыми изгибами.

Затем еще одна «инстанция» для графита—укладочный пресс...

Из этой машины графит тянется бесконечным жирным червячком и рабочий методичными, размеренными движениями укладывает его на особые дощечки длиной в 5 нормальных карандашей.

На этих дощечках графитные стерженьки сохнут и рабочие отбирают безукоризненно прямые палочки—катают их на досках. Раскатывают так, как хорошая хозяйка раскатывает тесто: быстрыми энергичными движениями рук—взад, вперед, взад-вперед. От такой раскатки остаются невредимыми только прямые палочки. Имеющие изгиб ломаются и отбрасываются.

Оставшиеся прямые палочки режут на части равные длине карандаша.

... Отдел за отделом мелькают перед глазами. Директор фабрики т. Зорин любовно описывает каждую перипетию походов графитной палочки.

— Вот, зайдите сюда, в эту тепленькую комнатку. Только снимите очки, а то прижгут они вас!—предлагает он мне.

Маленькая, высокая, полутемная комнатка, с полками-решетками металлическими.

На них рядами лежат графитные палочки. Сушатся.

Упаковочная.

Смеются рабочие—новички, тепла не выдерживал. Приносят термометр +98° Цельсия.

Вот так тепленькая комнатка!

В этой сушилке с температурой, доходящей до 120°, жары графитные стерженьки лежат от 3 до 7 дней. До тех пор дежат, пока не лишаются и малейших признаков влаги.

Затем их обжигают.

Рядом с «теплой комнаткой» топки дверцами закрыты герметически. Рабочие в кожаных штанах, фартуках и рукавицах возятся около них.

В тигли укладывают палочки. Замазывают крышками. И в печь! С жарой до 1500°. Здесь они обжигаются 8—10 часов. Потом проваривают их в масле и графит можно обдѣлывать в дерево.

Здесь приятно пахнет свежим деревом. Груды американского и туркестанского кедра и липы лежат всюду. Кряжи дерева подаются ненасытным ленточным пилам, которые с скрежетом и визгом расчлѣняют кряжи на доски.

Затем липу превращают «под кедр» протравливают особым составом. Сушат. Особые машины прорезают в каждой дощечке по 6 желобков для графита.

Еще одна мастерская. Пахнет столярным клеем. Тишина. Грохот машин фабричных доносится издали...

Длинный стол. Ряды женщин. Над столом—бесконечное полотно подает автоматич.ски намазанные клеем дощечки с прорезанными желобками. Работницы заученными движениями вкладывают в желобки графитные палочки и закрывают сверху такой же намазанной дощечкой.

Затем дощечки, уже заключающие в себе шесть карандашей, проходят целый ряд мытарств.

Сначала у них обрезают и обравнивают концы. Затем они попадают в станок, который эти дощечки с графитом расчлѣнит на 6 карандашей. Быстро-быстро падают в ящик карандаши, грубо обрезанные, шероховатые, необделанные.

Затем, пройдя целый ряд, машин они становятся гладкими и теперь их можно красить.

Грунтовочная машина выпускает из маленького отверстия карандашную струю. Ищется карандашами. Глаз

едва схватывает момент, когда один карандаш сменяется другим.

Непрерывная струя загрунтованных карандашей льется на бесконечное полотно, которое проносит их через сушильные шкафы в чаны с краской.

Приятно пахнет лаком, спиртом. Чисто. Светло. Работницы в белых халатах. На длинных досках, движутся карандаши взад-вперед, переворачиваясь с боку на бок, подставляя бока свои мягким «квачам», намазанным лаком.

«Квачи» легко ходят взад-вперед по-

Считальные машины.

«Квачи» легко ходят взад-вперед по рядам перевортывающих карандашей—полируют их.

Кажется: карандаши сами переворачиваются от удовольствия, от щекотания «квачей».

Теперь карандаш принял свой обычный вид. Красно-желтый, лакированный...

Нужно еще закрепить за ним «авторское право» фабрики—защепелить его. Газ искрится, летит фольга, рассыпаются искрами, каскадами искр. До белых раскаленных штемпель методично щелкает челюстью, делая оттиски—де-смываемые на каждом карандашике.

Чувствует, рокошет, захлебывается машина. Серебристая пыль клубами носится в воздухе.

Звон мелодичный. Это звенят карандаши в считальных машинах. Два-три движения рабочего—машина заполнена карандашами, поворот ручки—каран-

даны падают в ящик, а в окошечке аппарата выскакивает цифра, обозначающая число упавших карандашей...

Упаковочная. Тоже—женское царство. Карандаши дюжинами,grossами, упакованные высветя блестящими колонками.

Теперь уже новорожденный будет выброшен на рынок Мосполиграфом.

Интересные перипетии пришлось пережить фабрике.

Принадлежит фабриканту Карнац, фабрика выпускала 10.000 gross в месяц.

В эпоху военного коммунизма выработка упала до 2.000 gross. Кроме того, фабрика стояла почти год.

С эпохи НЭП фабрика стала оживать и июль 1924 г. показал выработку 6.500 gross.

С июля начала вводится прямая сделка.

В настоящий момент фабрика выбрасывает в месяц 14—14,5 тысяч gross каран-

дашей, т.е. 140—155% выработки 1913 года.

Себестоимость карандаша увеличилась только на 10 % по сравнению с 1913 г.

Если ВСНХ окончательно разрешит пустить в ход ф-ку б. Флетчера, то это даст еще 100.000 gross и, удешевив общую карандашную продукцию на 40%, поможет закрепить смычку города с деревней, бросив в деревенские кооперативы карандаш массового потребления ценой в 1 копейку.

Пока же мы вынуждены выписывать из-за границы карандашей ежегодно на 500.000 рублей.

Советскому карандашу предстоит блестящее будущее. Для обспечения его фабрика должна быть дооборудована 260 машинами. Это—задание на 1925 год в области нашего карандашного производства.

Вл. Якубович.

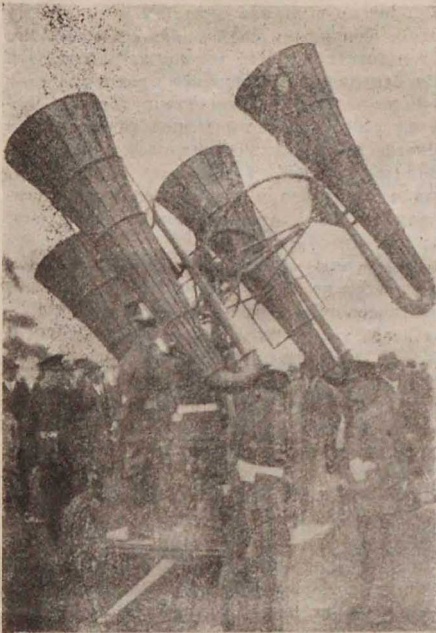
Вышедшие книжки библиотеки „Огонек“ с 1-го января 1925 г.

Подписчикам Библиотеки „ОГОНЕК“

Подписчикам на «ОГОНЕК» с одной книжкой Библиотеки «ОГОНЕК», срок подписки которых истекает 1-го октября высылка Библиотеки со следующего порядкового № 41 будет прекращена, т. к. им за время с 1-го янв. по 15 июня выслано 40 книжек по числу №№ «ОГОНЬКА», в течение января—сентября. Высылка же им «ОГОНЬКА» без «Библиотеки» будет продолжаться по срок их подписки до 1-го октября. Желающие получить вместе со следующими номерами «ОГОНЬКА» также и дальнейшие книжки «Библиотеки» имеют выслать дополнительную плату.

Подписчикам на ОДНУ книжку «Библиотеки» сроком дальше 1-го октября высылка очередных книжек (с № 41) будет продолжаться за счет их дальнейшей подписки на Библиотеку «ОГОНЕК». Во избежание перерыва в высылке очередных книжек этим подписчикам по истечении их оплаты за «Библиотеку» (из расчета ОДНОЙ книжки на каждый № «ОГОНЬКА») Главная Контора просит своевременно перевести дополнительную плату на дальнейшие книжки «Библиотеки».

Испытание в Америке нового аппарата, заранее указывающего приближение аэроплана. Опыты производились отрядом воздушных сил в Нью-Йорке.

Впереди защита. Слева-направо: Зеленский, Ратнер, Гухтинский, Прохоренко, Бать, Рамса, Писудимье. Слева-направо: первый ряд—Белавин, Брилевич, Грот, Семин, Чичмарев, Пивнев, Вебер; второй ряд—Н. Львова, В. Егн. ва, З. Львова, Нина и Станислава Крещенские, Груздев, Лепельте, Демьянов, Белозеров.

Первый детский курорт

Иностранец—убийца

Семья Игнатьева.

Золотой берег в Бузановке, около Одессы. Первый пролетарский детский морской курорт, где за лето перебивает свыше 3.000 детей рабочих.

Недавно Иркутский Губернский Суд рассматривал дело по обвинению датского подданного Петерсена в убийстве им легкового извозчика Игнатьева.

Материалы, прошедшие на суде, рисуют событие в таком виде: телеграфист Иркутского отделения Концессионного Большого Северного Телеграфного

Иностранец—убийца

Петерсен идет к суду на пути к зданию суда.

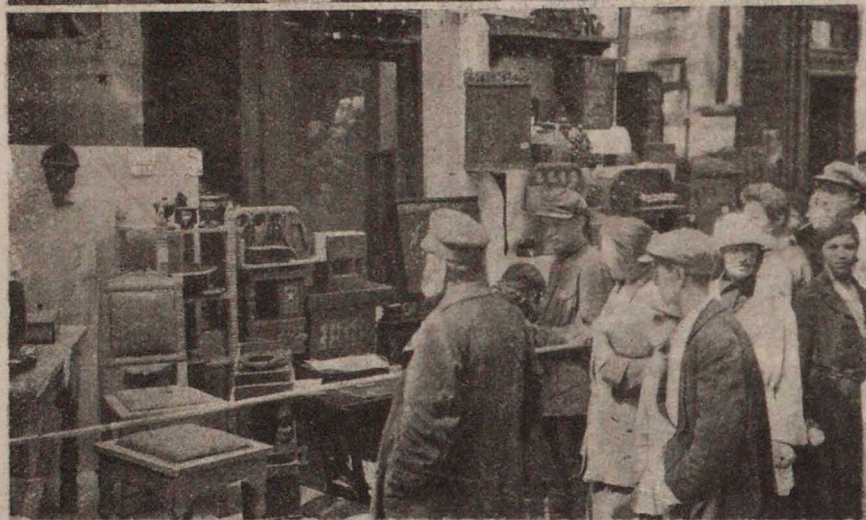
Общества г. Петерсен 1 марта 1925 г. в гор. Иркутске, около 7 часов вечера в компании своих сослуживцев по датскому телеграфу переселился из гостей от своих же сограждан с Саламотовской улицы в свою квартиру на улице Горького, наняв для этого извозчика Игнатьева. Петерсен был навеселе после выпитого у знакомых ликера. Он имел в руках «Браунинг». На улице Горького он произвел из этого пистолета бесцельный выстрел вверх по направлению горящего уличного электрического фонаря. Извозчик Игнатьев тотчас сделал седкам замечание: «нехорошо, товарищи, на улице поднимать панику». Вслед за этим замечанием, слышавший его Петерсен произвел вторичный выстрел уже в спину извозчика Игнатьева, сопровождая выстрел словами: «Вот, тебе товарищ». Выстрел оказался смертельным, тотчас доставленный в больницу Игнатьев умер...

Суд по рассмотрению всех обстоятельств, сопровождавших убийство Игнатьева, нашел, что Петерсен выстрел произвел сознательно, оскорбленный обращением Игнатьева—извозчика «товарище» к седкам, в том числе и к нему, Петерсену.

Суд приговорил Петерсена к 8-ми летнему лишению свободы со строгой изоляцией, удовлетворив также и гражданский иск вдовы Игнатьевой и ее малолетних 4 детей.

Детская выставка МОНО

Фот. С. Тулеса.

Наверху—чулочная мастерская. Внизу—детская столярная мастерская.

Выставка работ детей—бывших беспризорных. Лубянский Пассаж. Длинные коридоры пестрят всевозможными экспонатами, привлекающими многочисленную разнообразную по социальному составу публику. Красные флажки, плакаты, газеты, промышленные изделия, обувь, мебель, вышивки, панно, картины и здоровые веселые мордочки самих детей, вышивников торжества, всего только два-три года тому назад подобранных на улицах.

Многочисленные, разнообразные мастерские: швейные, столярные, сапожные, слесар-

ные, художественные рукоделия, трикотажные, кукольные—представлены на выставке, объединенными в павильоны. Всего выставлено 58 павильонов. Профтехническая школа им. Калинина, приемно-наблюдательный пункт им. А. Д. Калининной, им. Крыленко, Г. П. Россолимо, мастерские и профшкола «Сельмаш» им. Семашко, им. Л. Д. Троцкого, мастерские им. Крупской, детский дом им. д-ра Гааза, кролиководство самих беспризорных, образцы работ учебно-производственных мастерских института глухонемых, изделия

мастерских, учебно-игольно швейная мастерская им. Клары Цеткин—прекрасные эскизы для ширм, художественно исполненные панно.

Тут же на выставке сами беспризорные за работой. Ревнивы к своей работе, к каждому слову посетителя. Ведь это же их работа.

Из «правил внутреннего распорядка» — охрана выставки-базара во время работы производится ребятами, которые под руководством Детского Комитета устанавливают посты у входов и выходов, а также у павильонов. А давно ли, давно ли этих ребятешек привлекали, но не к охране входов и выходов, а за кое-что другое.

Беспризорные не представляют собой однородной массы по своим интересам и по степени педагогического на них влияния. Улица поглощает детей, тянувшихся со всех концов СССР в Москву, в центр. Она влияет на одних интенсивнее, на других слабее. Она влечет их всеми яркими моментами жизни и скрадывает перед ними все темные стороны. Она вовлекает их, как щупальцами, в водоворот преступной Москвы.

Дети организуются в борьбу за существование в особые группы, живущие на улице по своим особым законам, имеющие свои особые вкусы и навыки, свои своеобразные социальные установки. Отсюда ясно, как трудна и сложна организация детучреждений. Для этих то ребят и был организован новый тип учреждений—трудкоммун, основной принцип которых — организация жизни детей на живой действительной связи с окружающей средой. Результаты работ их и представлены на выставке.

Слово имеет Калинин. — Это бывший беспризорный мальчик лет 14—15. Он председатель отчетного заседания. Глаза блестящие. Умно, тактично, деловито ведет заседание. А вот и еще. Девочка лет 12, бойкая. Говорит прекрасно, с большим ораторским подъемом: «В будущем году будет устраиваться выставка не из 58, а из 158 павильонов. Для нас труд—самое светлое, самое радостное. Да здравствует труд и дорога к науке!»

Новые книжки библиотеки „Огонек“

Очередные книжки библиот. „Огонек“ — рассылаются с настоящим №-ром.

Василеостровский стадион в Ленинграде,

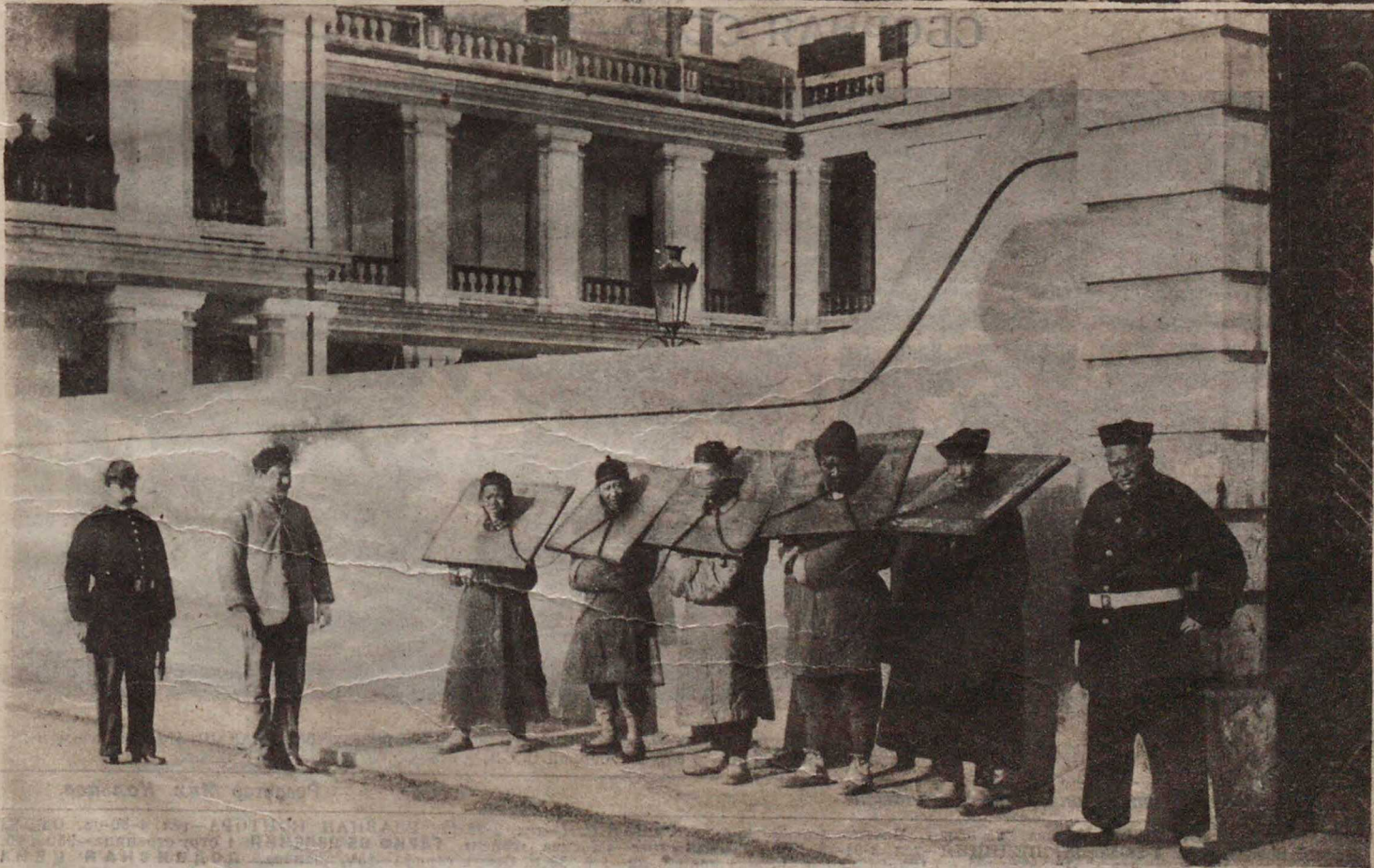
сооруженный на средства рабочих района.

Группы «Спартак» за спортивными упражнениями.

ПРОТИВ РАСПРАВЫ ИМПЕРИАЛИСТОВ НАД КИТАЙСКИМ НАРОДОМ

Фот. С. Фридлянда.

За последние дни в Москве и по СССР состоялись многотысячные демонстрации протеста против насилия иностранных империалистов над трудящимися Китая. В демонстрациях приняли участие рабочие и учащаяся молодежь. На верхнем снимке — демонстрация протеста на Советской площади в Москве, у здания Моссовета. Нижний снимок (доставлен МОПР'ом) изображает, как французская полиция наказывает китайских кули в Шанхае.

„Жертвы крепостного права“.

Картина художника В. Н. Пчелина.

Новая картина худ. В. Н. Пчелина изображает самую мрачную страницу истории русского крестьянства. Помещик мог забить до смерти раба-крестьянина, ни за что ни про что, и оставаться безнаказанным. При Екатерине II отличалась своей жестокостью помещица Дарья Салтычиха, заславшая на смерть около 100 человек крестьян. Исторический художник В. Н. Пчелин ярко передал эту сцену зверской расправы сильного над слабым. Картина будет помещена в Доме Крестьянина Моссовета.

СБОРНАЯ СССР—МОСКВА

На днях состоялся футбольный матч между сборными СССР и Москвы, который окончился 2:1 в пользу сборной СССР. На снимке—момент вбивания мяча в врата сборной СССР.

Издательство «Огонек» Мосполиграф.

Редактор Мих. Кольцов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»: Москва, Тверская, Благовещенский пер., 3. **РЕДАКЦИЯ**—тел. 2-96-12. **ГЛАВНАЯ КОНТОРА**—тел. 4-80-08. **ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ**—тел. 4-28-45. **ЭКСПЕДИЦИЯ**—тел. 3-91-48. Телеграфный адрес—«Москва Огонек». **ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ:** 1 стр. страница—960 руб., 1/2 стр.—480 р., 1/4 стр.—240 р., 1/8 стр.—120 р., 1/16 стр.—60 р., строка непарелли—1 р. 80 к. Оверх тарифа—15%, налога. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:** На «Огонек» без Библиотек «Огонек» 1 мес. — р. 50 к., 3 мес. 1 р. 50 к., 6 мес. 3 р. — к., 9 мес. 4 р. — к., год 5 р. — к., с одной книжкой «Библи.» (4—5 кн. в м-ц) . 1 * 1 р. — к., 3 * 3 р. — к., 6 * 5 р. — к., 9 * 7 р. 50 к., * 10 р. — к., с двумя книжками «Библи.» (8—10 кн. в м-ц) . 1 * 4 р. 50 к., 3 * 4 р. 50 к., 6 * 7 р. — к., 9 * 11 р. — к., * 14 р. — к. Комплект «Библиотеки» по 10 книжкам высылается за 1 р. 25 к. Отдельные книжки высылаются за 15 коп. **Важно:** На границу: на 1 мес.—35 центов, 1 экз.—10 центов или в переводе на соотв. местную валюту; с одной книжкой библиотек «Огонек»—вдвое, с двумя книжками—втрое. В Германии—на 1 м.—1 марк. 50 пф., один экз.—50 пф. Подписка на «Огонек» принимается всеми почт.-тел. учреждениями.

Москва, Главлит № 40.857.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9.

150.000 экз.

Акционерное Общество
торговли хлебными и другими сельско-
хозяйственными продуктами
„ХЛЕБОПРОДУКТ“

ПРАВЛЕНИЕ: МОСКВА Большая Дмитровка 32

Адрес для телеграмм: „МОСКВА ХЛЕБОПРОДУКТ“. Код Маркони и Руткод

ЗАГОТОВЛЯЕТ непосредственно от ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ:

ЛЕН и КУДЕЛЬ моченцовых и стланцевых районов
всех групп и сортов

ПЕНЬКУ всех районов и сортов Орловской, Брянской, Смо-
ленской, Курской и Гомельской губерний

ПРОДАЕТ в ПРЕДЕЛАХ СССР и ЗА ГРАНИЦУ:

ЛЕН трепанный, сырец, волокно, кудель, паклю и охлоп

ПЕНЬКУ трепанную и чесаную, сырец и паклю

ДОСТАВКА франко-дубликат, а также Фоб и Сиф русские
и заграничные порты

„ХЛЕБОПРОДУКТ“ имеет ОТДЕЛЕНИЯ, КОНТОРЫ и АГЕНТСТВА во всех
льноводных и коноплеводных районах

„ХЛЕБОПРОДУКТ“ имеет ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА при торгпредствах СССР
за-границей

„ХЛЕБОПРОДУКТ“ выступает со своими образцами льна, кудели и пеньки
НА ЗАГРАНИЧНЫХ ЯРМАРКАХ

ВОЛЖСКОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
РЕЧНОЕ

ПАРОХОДСТВО

ВОЛЖСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО

производит перевозки пассажиров и грузов по р.р. Волге, Каме, Оке, Москве, Вятке, Белой, Унке, Ветлуге и Суре, а также по Каспийскому морю.

Все почтовые и товаро-пассажирские паротеплоходы имеют электрическое освещение, паровое отопление, отдельные каюты I и II классов с мягкими спальными местами, буфеты, библиотеки, ванны, парикмахерские и прочие удобства.

На паротеплоходах почтовой линии выполняются все почтовые поручения.

В пунктах примыкания железных дорог к водному пути отправление и прибытие паромов согласовано с расписаниями железных дорог.

Перевозка грузов производится на товаро-пассажирских паротеплоходах и на баржах, баркасах и проч. непаровых судах под буксиром паротеплоходов; перевозка негазовых грузов в специальных паротеплоходах, железных и деревянных баржах; буксировка всякого рода судов и плотов.

Кроме работ по транспортированию, Госпароходство выполняет след. операции:

1. Страхование грузов как в пути следования, так и на складах и стоянках.
2. Прием грузов на собственные склады для хранения.
3. Транспортирование грузов гужем по поручению клиентов.
4. Прием товаров на комиссию и исполнение всевозможных поручений грузоотправителей по продаже и покупке товаров.
5. Исполнение различных поручений грузоотправителей по переставке и сдаче грузов, получение за их счет наложенных на товары платежей и других сумм.
6. Выдачу ссуд под заложенные к перевозке и на хранение грузы.

По транспортированию грузов Госпароходство участвует в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении.

Тарифы на перевозки согласованы и одобрены Советом Соедов Торговли, Промышленности и Транспорта, причем крупные партии груза перевозятся на основании особых договоров с предоставлением тарифных в отношении оплаты перевозки льготных условий.

В интересах предоставления грузовладельцам возможности более широкого пользования водными путями, Госпароходство имеет свои Транспортные Конторы в следующих пунктах:

1. Ленинград, Проспект 25 Октября 81	7. Уралск, ул. Красноармейской пл. и
2. Москва, Ул. 1-го Мая 1	Благодарный ул. 2
3. Н.-Новгород, Сафоновская площадь	8. Бак, ул. Свободы 4
4. Киев, ул. Ворожского 11 кв. 4	9. Иваново-Вознесенск, Социалистическая
5. Свердловск, ул. 9 Января 35	ул. Д. Былин. Пескова
6. Омбург, Ливанов рыночная пл.	10. Бугульма, Советская 43
Трусовский ул. 6. контора Богачева	11. Ростов-и/Дону, Моск. вост. 65

ПРАВЛЕНИЕ: Н.-Новгород, Кооперативная 13

Телеграфный адрес Правления: Н.-Новгород «РЕКА-ПРАВЛЕНИЕ», а Транспортных Контор: пункт местонахождения Конторы с добавлением слова «ПАРВОЛГА», за исключением Ростовской Конторы, где телеграфный адрес установлен: «ПАРВОЛГАДОН».

